

frère trois points ‘масон’;
cinq et trois font huit ‘Рубль пять – десять сдачи’ (о хромом человеке).
Ср. в русском языке: *Три листика* (название карточной игры);
У мужика в августе три заботы: и косить, и пахать, и сеять.
Помни три дела; молись, терпи, работай.
Нашего Мины не проймёшь и в три дубины.

Таким образом, на основании проведенного анализа фразеологизмов с компонентом-числительным ‘три/trois’ мы пришли к выводу: несмотря на то, что в языках сравнения употребляются фразеологизмы, в которых числительное сохраняет свое конкретное числовое значение, или же наоборот, полностью утрачивает количественное значение, преобладающими оказались случаи частичной десемантизации числительного. Утрачивая при этом свое конкретное числовое значение, числительное реализует значение неопределенного количества или ту или иную степень проявления признака. Для французского языка более характерна реализация числительным значения неопределенно-малого количества, для русского языка – неопределенно-большого количественного значения.

Как в русском, так и во французском языке больше всего распространены безэквивалентные фразеологические единицы, что объясняется, прежде всего, особенностями исторического развития, национально-культурной спецификой, различиями в религиозной культуре, ментальности русского и французского народов.

А. М. Дудина, Т. А. Можейко

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЛЕКСЕМЫ *CHOSE* ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ IX–XIII И XX–XXI ВВ.

Семантика и функционирование широкозначных (эврисемичных) лексических единиц продолжают привлекать пристальное внимание лингвистов. Под широкозначностью принято понимать «лингвистическое явление лексико-семантического уровня, которое характеризуется расширением семантического объема слова для обозначения различных денотатов» (Н. Н. Амосова).

К числу существительных широкого значения во французском языке принадлежит и существительное *chose*. Исследователи отмечают, что подобные существительные могут замещать различные предметы и явления окружающего мира вследствие размытости своего концептуального содержания. Им свойственна семантическая опустошенность и контекстуальная обусловленность. Обладая лексической абстракцией, широкозначные существительные вызывают представление не об одном, конкретном предмете, а о целом ряде различных предметов, обладая одновременно свойствами, репрезентируемыми каждым из них. Природа их содержания временна, непостоянна, так как это содержание меняется в зависимости от ситуативного и языкового контекстов, в которых они функционируют (В. К. Колобаев, Л. В. Барсук).

В фокусе нашего внимания – исследование семантики и функционирования существительного *chose* на материале старофранцузского (IX–XIII вв.) и современного французского (XX–XXI вв.) языка.

Как показывает анализ словарей старофранцузского языка (Fr. Godefroy, A. J. Greimas. «Larousse»), лексема *chose* происходит от латинского этимона *causa -ae* (f) ‘причина’. В качестве основных приведены значения 1) *chose* ‘вещь’; 2) *affaire* ‘дело’; 3) *creature* ‘создание’, *personne* ‘человек’. Словарями фиксируется также употребление данной лексемы в составе союзных выражений, таких как *avint chose que* ‘случилось так, что’, *chose que* ‘по причине’, *pour chose que* ‘хотя’.

Лексикографическими источниками современного французского языка (P. Robert. «Le grand Larousse illustré, Trésor de la langue française») зафиксировано около 30 конкретизированных вариантов (КСВ) данного слова. В числе основных – отмечены следующие: 1) *objet* ‘предмет, вещь’; 2) *fait* ‘дело’, *phénomène*, *réalité* ‘феномен’, ‘реальность’; 3) *affaire*, *événement* ‘событие’; 4) *conjoncture* ‘случай’; 5) *bien*, *propriété* ‘собственность’, ‘имущество’; 6) *paroles* ‘выступление’, ‘речь’; 7) *cause* ‘судебный процесс’ и т.д.

Очевиден значительный рост числа КСВ широкого значения данной лексической единицы, что еще раз подтверждает способность ее семантики к «растяжению».

Текстовый анализ художественных произведений старофранцузского и современного французского периодов свидетельствует о том, что лексема *chose* входит в число наиболее употребительных языковых единиц. Чаще всего данное существительное реализует КСВ ‘вещь, предмет’. Например: *Et mout randirent grant estor / Par tôt leanz de lor bastons, / Come avugles, qui a tastons / Vet aucune chose cerchant* (Ch. de Troyes. «Le chevalier au lion»). Или в другом отрывке: *Anne donnait aux choses un contour, aux mots un sens que mon père et moi laissions volontiers échapper* (F. Sagan. «Bonjour, tristesse»).

Интерес представляют также примеры реализации существительным *chose*, которое традиционно используется для обозначения неодушевленных предметов, КСВ ‘человек’. Отметим, что это его значение уже зафиксировано в словарях старофранцузского языка. Обратимся к примеру: *Tu es fieblette e tendre chose / E es plus fresche que n'est rose*. (*Le jeu d'Adam*). Разговор ведется между дьяволом и Евой. Дьявол предлагает Еве уйти от Адама и перейти на его сторону, так как он сможет ее защитить. Для этого он обращается к Еве как к *fieblette e tendre chose*, подчеркивая таким образом ее нежность и хрупкость.

Зачастую существительное «*chose*» реализует значение ‘собственность, владение’, например: *Et ton cors et ton avoir prandre Come la chose qui est moie – Prendre et ton corps et tes biens Comme ce qui est à moi* (Ch. de Troyes. «Cligès»). В данном отрывке Клижес утверждает, что и сам Жан, и все, чем он владеет, является собственностью Клижеса. Автор использует лексему *chose*, чтобы принизить Жана, низвести его до уровня вещи, собственности другого человека, стоящего выше на социальной лестнице.

В старофранцузском языке эврисемичное существительное *chose* также выступает в сочетании с прилагательным, обозначающим какой-либо признак. Например: *Et cil qui deviennent larron de petite chose viennent a plus grant* (Ph. de Novare. «Des quatre tenz d'aage d'ome»). В исследуемом отрывке речь идет о воспитании ребенка. Автор использует сочетание *прилагательное + chose*, чтобы подчеркнуть, что воровство даже мелких вещей опасно, поскольку может привести к краже и более крупных (ср. с пословицей: *Qui vole un oeuf, vole un boeuf*).

В другом отрывке: *Sa froideur est sa forme de vie, tu ne peux y voir du calcul; son indifférence la protège de mille petites choses sordides, c'est un gage de noblesse* (F. Sagan. «Bonjour, tristesse»), – автор использует аналогичную конструкцию с целью подчеркнуть, что кажущееся безразличие героини – это своеобразная защита от многочисленных мелких неприятностей, которая позволяет ей сохранять присутствие духа.

Также существительное *chose* часто реализует КСВ 'дело'. Обратимся к примеру: *La domnizelle celle chose non contredist* (Séquence de sainte Eulalie). В данном отрывке из *Секвенции о св. Евлалии* речь идет о приказе царя Максимилиана отрубить Евлалии голову, т.к. она не захотела отречься от Бога. Девушка не была против казни (этого дела), поскольку мученическая смерть открывала ей путь в рай.

В другом отрывке: *Tu dois faire les choses jusqu'au bout* (G. Musso. «Un appartement à Paris»), – исследуемое существительное также выражает значение 'дело'.

Как показывает анализ, в современном французском языке, в отличие от старофранцузского, эврисемичное *chose* часто используется для указания на нечто известное, имеющее свой знак в языке, однако им не обозначенное в конкретной ситуации общения по той простой причине, что это название не всплыло в памяти в нужный момент. Например:

Je disais donc cinq cent un millions...

– *Millions de quoi? ...*

– *Millions de ces petites choses que l'on voit quelquefois dans le ciel.*

– *Des mouches?*

– *Mais non, des petites choses qui brillent.*

– *Des abeilles?*

– *Mais non. Des petites choses dorées qui font rêvasser les fainéants. ...*

– *Ah! des étoiles.*

– *C'est bien ça. Des étoiles.* (A. de Saint-Exupéry. «Le Petit Prince»).

Подобные случаи характерны для ситуаций устного общения, поэтому в письменных текстах они встречаются довольно редко.

Анализ употреблений лексической единицы *chose* в текстах современного французского языка показал, что наиболее частотным является использование ЛЕ *chose* в составе неопределенного местоимения *quelque chose*. Так, например, в произведении Ж.-П. Сартра «Тошнота» слово *chose* употреблено 160 раз, из них практически половина (74) – в составе указан-

ного местоимения; в романе Ф. Саган *Здравствуй, грусть* эти цифры составляют 58 и 22 соответственно; в романе А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» – 23 и 7. И это неслучайно, ведь именно значение ‘вещь’, т.е. ‘какой-либо предмет, что-то’, лежит в основе широкого значения данного существительного.

Таким образом, можно утверждать, что во всех своих контекстуальных употреблениях существительное *chose* ведет себя как единица широкой семантики. Наиболее общими инвариантными его значениями как в старофранцузском, так и в современном французском языке являются КСВ ‘вещь’, ‘дело’, а также ‘что-то’, ‘предмет’, ‘событие’. Свободное от референтной соотнесенности слово с широким объемом значения аккумулирует в себе содержание, уже заложенное в какой-либо сочетающейся с ним лексической единице, сохраняя семантический инвариант во всех своих употреблениях.

Н. М. Токаревич

СТАТУС ПРОЗВИЩНОГО НАИМЕНОВАНИЯ

Одним из главнейших разделов современной ономастики является антропонимика – наука об именовании человека, которая включает в себя личные имена, отчества, фамилии, прозвища, псевдонимы и т.п.

Если основные антропонимические единицы (имена, отчества, фамилии) уже давно являются предметом внимания лингвистов: они собираются, описываются и исследуются в различных аспектах, то прозвища – значительный пласт неофициальных именовании – анализируются в основном в трудах литературоведов, культурологов и недостаточно изучены с точки зрения языковой теории, поэтому они представляют особый лингвистический интерес. Исследование прозвищ остается актуальным не только в отечественной, но и в зарубежной лингвистике. Этот интерес связан с идеей антропоцентричности языка. Во французской языковой традиции прозвище или кличка звучит как *un surnom* или *sobriquet*. Ларусс дает следующее толкование слову *surnom*: «Un surnom est à l'origine un nom formé, par addition au prénom ou au nom d'une personne, d'un terme mettant généralement en relief ses particularités physiques ou morales. Le surnom est également la désignation substitutive au nom véritable d'une personne». Les sobriquets, au contraire, viennent du dehors: si beaucoup sont simplement descriptifs, d'autres sont nettement péjoratifs, marqués par la malignité publique».

В русскоязычных исследованиях закрепился термин *прозвище*. Как антропонимический термин он в настоящее время является общепринятым. Под ним понимается вид антропонима, который является факультативным наименованием, содержащим индивидуальную эмоционально-экспрессивную окраску с семантической наполненностью и существующим в рамках определенной социальной группы.

В данной работе речь идет об ономастической лексике, которая относится к прозвищным наименованиям французских королей как исторических персонажей и функционирующей во французском языке как общепринятая.